

EUROPE MOET BEGRIJPEN DAT RUSLAND BIJ EUROPA HORT(П Е Р Е В О Д)

(ГДЕ У ЕВРОПЫ ВОСТОЧНАЯ ГРАНИЦА?)

[Leewarder Courant. – 3.01.2008.]

26 октября в Португалии состоится очередной саммит «Россия-ЕС». Судить о состоянии дел в наших отношениях по этим, ставшим уже регулярными, встречам неверно. Для Москвы, например, особое значение имеют весенние форумы, проходящие в самой России. Звучащие там заявления рассчитаны на внутреннюю аудиторию, а поведение призвано продемонстрировать обновленный «великодержавный» потенциал России.

Осенние саммиты, наоборот, разыгрываются по нотам принимающей стороны, к которой, в соответствии с принципом полугодовой ротации, переходят функции председательства в ЕС.

Какие ноты предложит ЕС? По контрасту с принципиальностью госпожи Меркель и ее равнодушием к правозащитной проблематике, программа Португалии предвещает для России меньше острых углов и больше поводов для подчеркивания общих интересов. Приоритеты Лиссабона - вопросы улучшения экономической конкурентоспособности ЕС в таких областях, как бизнес, туризм и образование - политически нейтральны, а потому удобны для России.

Саммит пройдет хорошо, но вряд ли затронет глубинные аспекты наших отношений, лежащих на скрещении истории, психологии и мифологии. В целом все это похоже на многослойный пирог, или геометрическую конструкцию, различные измерения и плоскости которой порой как бы живут своими жизнями, приобретают собственную логику и инерцию развития.

В отличие от отношений России с другими международными партнерами, отношения с Брюсселем строятся не только (а может, и не столько) на стратегическом выборе элит или прагматическом восприятии кратко- и долгосрочных интересов. В их основе – фактор культурной и, главное, пространственной близости более двух десятков, а если учитывать многонациональный состав некоторых стран, то и до двух сотен народов, исторические траектории которых причудливо сплелись за почти полтора тысячелетия «со-освоения» общего ареала обитания.

Одна из особенностей геополитической идентичности Европы – отсутствие восточной границы. Например, «европейскость» России Нового времени (в основном 19-й век) не вызывала ни сомнений, ни возражений. В те годы десятки наших аристократических семей, включая императорскую, были объединены династическими и брачными узами со всеми монархическими дворами Европы. Известный же по школьному курсу истории спор между

«западниками» и славянофилами – каприз исключительно русской политической мысли. Идея противопоставления России и Европы была впервые оглашена не в «антироссийской Европе». Да таковой и не было - ведь тогда Россия выступала полноправным участником «европейского концерта», аналога современной «Восьмерки», с той лишь разницей, что в нем Россия говорила полновесным голосом. Она зародилась в вечно сомневающейся России. Фактически дебаты о принадлежности России к европейской цивилизации были открыты с легкой руки сотрудника канцелярии Военного министерства Н.Я.Данилевского, опубликовавшего в 1869г. свой единственный, но переживший его труд под крайне актуальным сегодня названием «Россия и Европа».

Зачем нашим интеллектуалам понадобилось изобретать и всячески пропагандировать непримиримую непохожесть двух естественных территориальных и цивилизационных соседей – непонятно. Так или иначе, как это часто случалось в истории, произвольно рожденная мысль обрела собственное бытие и прочно укоренилась в сознании не только наших соотечественников, но и – что гораздо хуже – наших европейских партнеров. С тех пор манипуляции с «восточной границей Европы» стали дежурным инструментом давления, в основном психологического, на Россию.

А именно, на пике разрядки «холодной войны», в начале 1970-х годов, в рамках общеевропейского процесса (СБСЕ/ОБСЕ) западные политики жонглировали формулой «Европа от Ванкувера до Владивостока». На спадах отношений территориальная трактовка Европа вновь сжималась, замыкаясь в границах ЕЭС. «Общеевропейский дом» Горбачева возродил на непродолжительное время расширительное понимание Европы, распространив ее на европейский сегмент советского и постсоветского пространства. Иной раз можно подумать, что вся стратегия расширения ЕС, и связанная с ней политика «соседства», своей побочной целью имеют сдерживание, психологическое «укрошение» России.

Сегодня в медийном и академическом «эфире» идут борения двух интеллектуальных потоков. С одной стороны, установка на максимальное обособление Европы от России, когда первая включает лишь страны, входящие в ЕС и НАТО, а с другой – концепция «Большой Европы» и ее практическая проекция – осуществление программы «четыре общих пространств».

Этим последним и занимаются на встречах «Россия-ЕС».

На сближение России и ЕС объективно работают демографические и экономические тенденции. В европейской части России проживают две трети населения. Они мыслят себя европейцами, образованы по-европейски. Для них европейские страны более досягаемы физически, чем зауральские регионы России. На Европу приходится свыше 50% внешнеторгового оборота России (51,6% в 2006г.). Страны ЕС – в числе лидеров

туристических потоков из России. В 2006г. из порядка шести миллионов туристов выезжающих за рубеж, 3,6 миллиона (т.е. более 50%) отправились именно в Европу. С каждым годом растет число образовательных и культурных программ, смысл которых во взаимном ознакомлении жителей европейских стран и России с реалиями жизни и быта друг друга. Общества будто бы сами подталкивают лидеров к улучшению качества отношений и к их реальному (прежде всего визовому) упрощению.

С другой стороны, есть субъективные исторические переживания новых членов ЕС (Латвия, Эстония, Польша), стереотипные оценки поборников либеральной демократии из числа его «ядра» (Великобритания), правозащитная «клишеобразная» риторика общеевропейских квази-представительских институтов (чеченский вопрос в ПАСЕ).

Однако, несмотря на элементы внутренней разобщенности ЕС, попытки России играть на противоречиях внутри ЕС, выбирая стратегических союзников в лице одних стран (Франция, Германия), противопоставляя эти схемы другим (Великобритания), заведомо близоруки и бесперспективны. В сочетании с энергетической зависимостью Европы и чрезмерной напористостью «новой» российской дипломатии, эти действия лишь подрывают имидж России в Европе, закрепляя за Москвой образ ненадежного, непредсказуемого, неискреннего партнера, действующего на подрыв европейского единства, что, согласимся, для Европы главнейший приоритет.

Однако идея «общих пространств», как и, в конечном счете, более насущная идея – общего пространства сосуществования и действительного сближения России и Европы, - не сиюминутная фантазия. В истории она уже имела прецеденты реализации. Для ее успеха сегодня нужно, чтобы политики наконец осознали, в чем состоит их общий интерес и на каких аксиомах строить дальнейшее взаимодействие.